

ЗАМЕТКИ О ПРАВСТВЕННОСТИ (по материалам отечественной истории и быта)

Советская история и связанный с нею общественный, бытовой фон - материал для небезынтесных нравственных размещлений. При этом регулярно возникают различные попытки, проекты "двуцветных" решений, стремление распределить сложнейшие, взаимнопереплетающиеся коллизии по оппозиции - "белое (или красное) - черное", "культ Сталина - отрицание этого культа", "свое - заграничное" и т. п. Оценки, подходы меняются, например, во взгляде на Сталина, однако тяга к "простым решениям" не слабеет, постоянно обедняя сложность реальной жизни, способствуя ослаблению, примитивизации духовных исканий.

В течение ряда лет автор собирал документальные свидетельства и более или менее достоверные рассказы современников (преимущественно относящиеся к экстремальным ситуациям сталинской эпохи), где наблюдаются любопытные, парадоксальные переходы злого в доброе и обратно. Подобные "сюжеты" позволяют поразмыслить и над некоторыми закономерностями российского развития, и над связью этих проблем с общечеловеческими, общеисторическими нравственными категориями.

Не прибегая к отсылкам на источники, автор ограничивается общим указанием на свои занятия в отечественных архивах и беседы с компетентными коллегами.

I.

Кузнец Б. был неоднократно в 1930-х годах отмечен советской печатью и радио, награжден орденами, как один из первых стахановцев, то есть рабочих, во много раз перекрывших на своем производстве принятые нормы. Стахановцев регулярно собирали на специальные съезды в Москве, где Б. однажды предстояло выступить перед членами правительства с рассказом о собственных успехах и достижениях своего завода. Однако, когда за несколько часов до выступления директор завода принес Б. его заранее написанную речь, кузнец отказался выступать с этим текстом и объявил начальнику: "Хотя я необразованный и малограмотный, но ясно вижу, что Вы хотите, чтобы я помог вашему обману: ведь дела на заводе очень плохи, и мы все это хорошо знаем, а Вы предлагается, чтобы я сказал, будто все у нас хорошо и прекрасно".

Директор грозил кузнецу, назревал скандал, потому что выступление Б. уже было запланировано, и этот план был известен самому Сталину. Тем не менее рабочий решительно отказался читать лживую речь. В перерыве между заседаниями стахановского съезда к Б. подошел главный редактор газеты "Правда" Михаил Кольцов (позже репрессированный) и поинтересовался, почему Б. не хочет выступать. Кузнец отвечал, что не желает врать; Кольцов повел его за кулисы, где в специальной комнате сидел Сталин и несколько других членов правительства. Снова вопросы к Б., и опять его честный ответ, что пока дела на заводе не исправлены, он не хочет их восхвалять и обманывать людей. Услышав все это, Сталин, дружески улыбаясь, посоветовал кузнецу выступить и сказать всю правду. Б. был очень рад, благодарил и вскоре поднялся на трибуну, чтобы рассказать, что на самом деле творится на его заводе. Речь Б. была сильной и правдивой. Когда же директор завода попытался, на том же заседании, дезавуировать сказанное Б. и доказать, что дела на предприятии не так плохи, Сталин из президиума одернул директора и сказал что лгать стыдно, а надо говорить правду, "как это сделал товарищ Б."

Все поздравляли Б. со смелым, откровенным выступлением, однако по возвращении домой он вскоре узнал, что его директор и несколько ведущих инженеров завода арестованы как "враги народа", пытавшиеся обмануть свое правительство. На Б. стали смотреть косо, как на доносчика; когда же прошли годы и после смерти Сталина лидеры завода были реабилитированы (почти все посмертно), дети и внуки этих несчастных людей начали выбивать стекла погубителю их родных. "Чем же я виноват? - спрашивал Б. приезжавших к нему ученых и журналистов, - я правду говорил, никому не хотел "втирать очки", что же, лучше было бы, выходит, если бы, как попугай, прочитал все, что мне директор написал? Я не сажал моих начальников, а выходит, будто посадил. Чем я виноват?"

II.

В августе 1946 года Жданов, в ту пору "правая рука" Сталина, выступая перед ленинградскими писателями, последними словами ругал за "вредную бездельность" Анну Ахматову и Михаила Зощенко, а в конце своего погромного доклада обратился к испуганному, ожидавшему крайних репрессий залу: "Называйте других недостойных, тех, кто вредит нашему делу". Из зала начали выкрикивать десятки фамилий, которые тут же записывались для последующей идеологической обработки.

То был род истерики, когда, казалось все называли всех, и только что объявивший своего соседа врагом, мог быть через минуту объявлен таковым же из другого места зала...

Ситуация, казалось бы, ясная и страшная. Однако много лет спустя некоторые из присутствовавших на том судилище клялись (и коллеги утверждают, что им можно верить), будто они выкрикивали имена своих товарищей с целью их не погубить, а наоборот - спасти! Последующая практика показала, что тех, кто попадали в фокус "общественного внимания", кого склоняли и спрягали в прессе (например, Зощенко и Ахматову), не арестовывали по какому-то странному, неписанному, разумеется, правилу. Наоборот, многие избежавшие публичного оглашения, были вскоре репрессированы и погибли в лагерях. Таким образом, выходило, что доносившие спасали своим доносом кое-кого от неминуемой гибели. Разумеется, нелегко и невозможно доказать, что это составляло замысел доносчиков, однако, повторяем, много лет спустя иные гордились, сколь оригинальным способом "помогли" друзьям.

III.

Покойный А. В. Белинков рассказывал автору этих заметок, что, приговоренный к расстрелу, он ждал более двух месяцев решения своей участи в камере смертников. Однажды ночью его повели, как он думал, на казнь, но вдруг появился хорошо знакомый мучитель-следователь и начал избивать заключенного. После первого же удара Белинков понял, что расстрел отменяется, ибо вряд ли в этом случае стали бы так бить. Каждый удар следователя стоил Белинкову крови, зубов, но он совершенно не чувствовал боли и только повторял себе: "Жив, жив!" Избивавший, грязно ругаясь, подтвердил, что заключенный не только остается жив, но еще должен будет ответить на разные вопросы; однако все это было второстепенно: Белинков помнил, что удары эти казались ему сладостными и ободряющими, - значит: жив!

Вскоре после того он получил сравнительно короткий тюремный срок, позже, впрочем, увеличенный...

IV.

В знаменитом пионерском лагере в Крыму "Артек" регулярно собирали и собирают школьников, связанных единством каких-то сходных дел: например, пионеров-цветоводов или пионеров-тимуровцев, помогавших семьям погибших и раненных военных. Один из таких "слетов", случившийся летом 1938 года, был посвящен памяти пионера Павлика

Морозова, прославившегося тем, что в 1932 году он разоблачил и сдал властям собственного отца, "врага народа", после чего был убит своими родственниками. На слете 1938 года собрались со всех концов страны юные доносчики, сумевшие "вывести на чистую воду" тех, кто по их мнению, вредил или хотел вредить советской власти. По вечерам у специально разожженного костра "юные герои" рассказывали своим сотоварищам впечатляющие истории о том, как они раскрыли злой умысел соседа, знакомого, председателя колхоза, близкого родственника и т.п. Рассказы были страшные, нередко кровавые; юные разоблачители, конечно, на ходу сочиняли эффектные подробности. В связи с этим молодая девушка, одна из вожатых, призванная руководить школьными отрядами, пожаловалась директору лагеря "Артек", что после страшных вечерних рассказов дети очень плохо спят, мучаются кошмарами, стонут, плачут; в связи с этим вожатая предложила, чтобы рассказы о собственных подвигах звучали утром или днем, но никак не вечером. Директор был персоной бдительной и тут же сообщил куда следует о вредительской деятельности девушки, старающейся помешать столь важному обмену опытом. Вожатая была арестована и вышла из заключения только 17 лет спустя. Беседовавший с нею журналист рассказывал, что несчастная женщина была особой чрезвычайно ограниченной, продолжала и в тюрьме и в лагере обожать Сталина, несколько не сомневалась в героизме Павлика Морозова и подобных ему пионеров и только повторяла, вспоминая роковой для нее эпизод: "Я хотела, чтобы дети лучше спали, они очень плохо спали ночью и мне было их жалко".

V.

Несколько лет назад я спросил шофера, которому было немногим больше 50 лет, давно ли он так поседел, что кажется дряхлым стариком. Шофер отвечал, что седым стал в 20 лет, история же такова: в 1944 году он был лейтенантом на Карельском фронте; Финляндия со дня на день должна была капитулировать, и в связи с этим немецкие части, вкрапленные в финскую армию, переходили от злобного отчаяния к растерянности. Однажды примерно сто немецких солдат во главе с офицером подняли белый флаг и сдались лейтенанту, его солдатам. Обезоруженных врагов собирались уже отправить в тыл, когда выяснилось, что лейтенант и его рота сами оказались в окружении, потому что несколько наиболее непримиримых немецких частей отрезали их от расположения главных войск, и из штаба дивизии срочно поступила радиogramма - "быстро выходить из окружения".

- У нас сто пленных, что делать с ними?
- Расстрелять и немедленно пробиваться на восток.

Лейтенант был подавлен этим приказом: ему очень не хотелось убивать тех, кто сами, по доброй воле, только что сдались. Тайно посоветовавшись с двумя своими помощниками, лейтенант явился к пленным немцам и посоветовал им самим пробиваться на восток через леса, пока не выйдут к главным советским силам. Отпустив пленных, советская рота начала отступать, проделала это довольно успешно и вскоре вышла из окружения. Когда лейтенант явился к высшему начальству с докладом, его тут же арестовали, потому что один из двух доверенных его лиц сразу же донес о невыполненном приказе. Военный суд приговорил лейтенанта к расстрелу; несколько дней он ждал выполнения приговора, но за это время примерно 80 немцев из ста тоже проделали путь на восток и снова сдались нашим главным силам, пояснив при том, что около 20 солдат погибло во время перехода. В результате лейтенанту заменили смертный приговор на "штрафную роту", где он сражался рядовым солдатом, был ранен и в госпитале встретил окончание войны; седина - память о нескольких днях в камере смертников.

Поскольку эта история связана с Финляндией, своеобразным аналогом (разумеется, далеко не буквальным) описанной ситуации может быть сочтен другой нравственный парадокс: Гитлер, как известно, потребовал от своих союзников-финнов выдачи на расправу нескольких тысяч проживавших в этой стране евреев. Лидеры Финляндии отказали, однако евреям, чтобы доказать, что они "полноценные граждане Финляндии", должны были вступить в финскую армию и весьма усердно сражаться на советском фронте в составе гитлеровских армий...

VI.

Рассказ ленинградца П. о своем отце: старший П. был известнейшим кораблестроителем, а также знатоком военных кораблей различных государств. После окончания 2-й мировой войны Советскому Союзу в счет репарации полагалась определенная часть военно-морского флота Италии; однако для приема кораблей нужны были квалифицированные эксперты, способные оценить технические особенности каждого итальянского судна. Когда начали искать подобных экспертов, сразу же всплыло имя П., как лучшего, может быть единственного, специалиста. Меж тем П. уже несколько лет сидел в лагере по фантастическому обвинению в шпионаже, то ли в пользу Англии, то ли как раз в пользу Италии. Долго искали ему замену, но не нашли (возможно, впрочем, эту незаменимость преувеличивали тайные доброжелатели в министерстве

морского флота). Так или иначе, но "сверху", от Сталина и Берия, пришло распоряжение отправить П. на приемку итальянских кораблей. Заключение подкормили, одели, подлечили, и он выехал в Рим вместе со своим напарником, который был полковником государственной безопасности, отвечавшим головой за советского подопечного. Разумеется, официально этот полковник, одетый в штатское, числился также одним из экспертов, который был как бы придан в помощь советскому начальнику, главному эксперту П. Вскоре эта неразлучная пара оказалась в Риме и провела в Италии несколько "трудовых месяцев". Посреди всего этого оба специалиста пригляделись друг к другу, привыкли и даже подружились. Полковник с самого начала подозревал, а теперь окончательно убедился, что П. - человек высоко порядочный, который честно выполнит свой долг и, конечно же, никуда не убежит (тем более, кстати, что семья оставалась в Ленинграде). Под конец отношения двух "скованных одной цепью" сделались самыми доверительными, и лишь одна подробность напоминала об "особом статусе": несколько раз полковник хотел уединиться, прогуляться, даже искал случая показать, что он доверяет П. и не боится оставить его одного; однако специалист по кораблям тут проявлял редкостное упорство и категорически возражал против того, чтоб хоть на минуту остаться без охраны. В этом вопросе он был столь тверд, что полковник уступал, видимо, опасаясь, как бы охраняемый не был доведен до крайности и не донес: ни на секунду П. не желал остаться "без свидетелей", чтобы потом, на каком-нибудь новом процессе, это могло быть поставлено ему в вину.

Так и жили в Италии оба советских представителя, которые для многочисленных иностранных коллег казались симпатичными однокашниками, воспитанными умными людьми, хорошо делающими свое дело.

Настал час возвращения: корабли для Советского Союза были получены, задание выполнено.

Полковник по своему ведомству написал в Москве благоприятный отчет о поведении П.; возможно, это сказалось на улучшении судьбы классного инженера: его все равно вернули в лагерь, но - в более "благоустроенный", на секретное военное предприятие, так называемую *шарашку*, где он, хоть и под конвоем, мог заниматься своим делом и сравнительно спокойно дожить до реабилитации в середине 1950-х годов.

VII.

Контрастом к относительно идиллическому вышеприведенному эпизоду может быть вспомнят срапный в своей простоте случай, произошедший в Московском университете примерно в 1950 году. Один из

студентов, у которого за несколько лет до того были репрессированы родители, был героем войны, дважды раненным, - и потому был принят в столь привилегированное высшее учебное заведение; однажды к нему подошла девочка-сокурсница и начала пространно сочувствовать, сетуя на массовые репрессии против ни в чем не виноватых людей. Студент был испуган, не спал всю ночь и в конце концов пришел к выводу, что его проверяли, провоцировали, - как он относится к "врагам народа"? На утро он пошел "куда следует" и сообщил о вчерашнем разговоре. Через несколько дней девочку арестовали, и только тогда студент понял, что он натворил. В тот же вечер он повесился.

Мы привели несколько историй, общее в которых заключается в том, что они *непросты*, что их страшная сущность - это намек на необходимое нравственное обучение, размышление, предохраняющее или избавляющее от ужасающих ошибок, которые нередко делаются "из самых добрых намерений".

Кафкианская парадоксальность многих приведенных ситуаций такова, что делает вполне логичным суждение одного полубезумного заключенного, будто все несчастья в мире, вплоть до стихийных катастроф, происходят потому, что именно с ним, этим заключенным, дурно обращаются...

Пример же "обратного парадокса", когда внешние логическое рассуждение приводит к совершенно алогичным выводам, сохранен в памяти потомков и друзей знаменитой деятельницы "Народной воли" Веры Николаевны Фигнер. Около 1930 года ей сообщили, что один из родственников арестован по обвинению в злостном вредительстве. Все знавшие молодого человека понимали абсолютную абсурдность подобного навета, но сделать ничего не могли и обратились к известной всей стране старой революционерке, просидевшей около четверти века в дореволюционных тюрьмах. Вера Фигнер смело отправилась к одной из главных персон, управлявшей в то время государственной безопасностью страны, и была принята весьма любезно. Через несколько часов почтенная женщина (ей было в ту пору около 80 лет) возвратилась домой в крайне мрачном настроении и потребовала, чтобы больше при ней никогда не называл имени арестованного родственника: "Если он действительно совершал то, в чем признался, - взрывал шахты, отравлял источники, - то он заслуживает самой жестокой кары; если же он этого не делал, но все же признался, то он не менее мерзок. Мы ведь не признавались!"

Завершая наши краткие заметки, позволим себе высказать предположение, что подобные публикации, распространение формы нравственной притчи или эссе, нередко восходящей к древним образцам, может быть важным, действенным способом нравственного анализа нашей действительности.